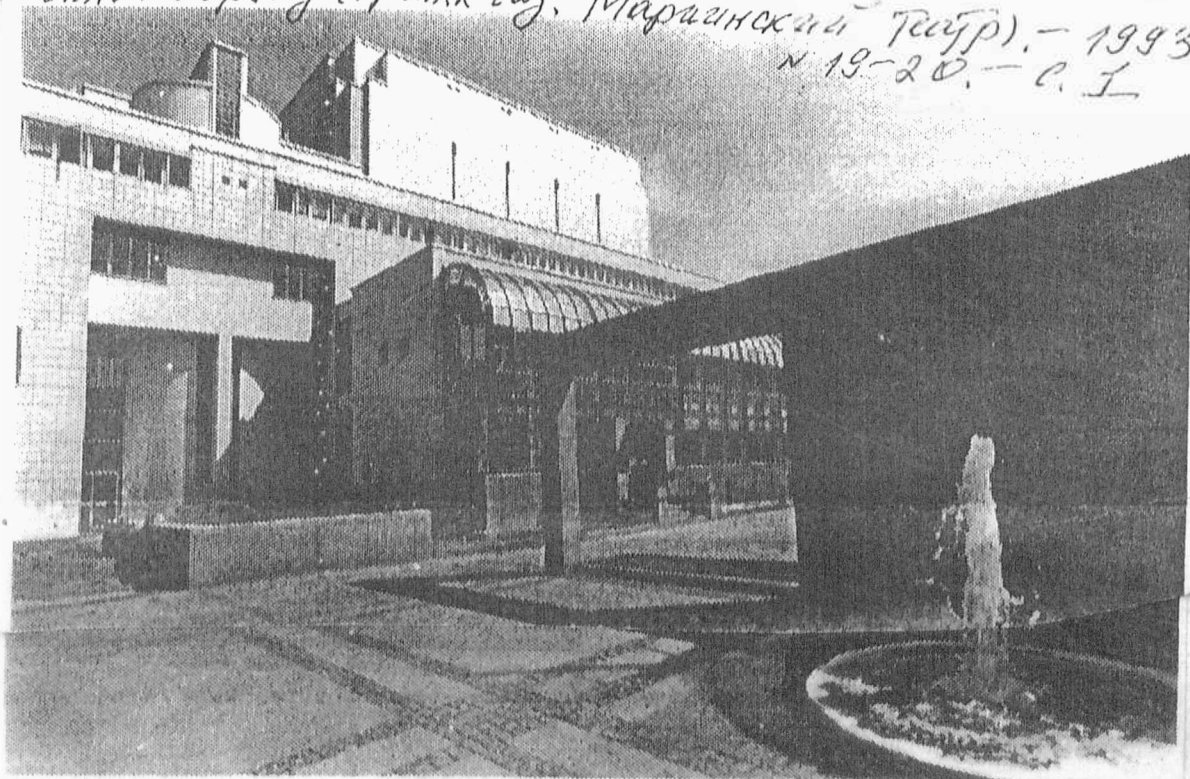

День, которого ждали семьдесят пять лет

К открытию Хельсинкской оперы

*Окно в Европу (ирис. к газ. "Мараинский театр"). - 1993
№ 19-20. - с. 1*

словно воплощающим душевный трепет светом, наполняя большое пространство человеческим теплом.

Получив вольную от русских, финны стали мечтать о новом здании для Национальной оперы. Долго пришлось ждать - но не напрасно: достигнут международный уровень, без которого развитие сегодняшней оперы просто невозможно. Это признала вся элита международной оперной и балетной журналистики, собравшаяся на торжественную неделю открытия в финской столице. Здесь были и главные редакторы всех крупнейших журналов - лондонской "Опера", парижской "Опера Энтернасьональ", цюрихского "Музик унд Театер", нью-йоркской "Опера Ньюс", музыкальные обозреватели ведущих газет - "Монд", "Юропизэн", "Таймс", самых престижных радиостанций.

Но здание - это только здание. Оно должно наполниться творчеством, иначе мы столкнемся с известным всем феноменом Большого

театра.

Первая премьера Национальной оперы прошла триумфально. Слово контрастируя с ликующе-положительным зарядом архитектуры, героем спектакля стал человек с темной душой, антигерой, если не

Макбет, то чуть-чуть Свидригайлов. Рогожин, с жуткими прорывами в жестокость и мрак. Опера выдающегося финского композитора Аулиса Саллинена "Куллерво" на сюжет из "Калевалы" и пьесы Алексиса Киви, уже записанная на компакт-диски, прошедшая "боевое крещение" сценой полтора года назад в Лос-Анджелесе, представляла мощным духовным посланием зрелого художника, предпочитающего содержательный поиск поиску формальному.

Чисто композиторский "Куллерво" не слишком хорошо вписывается в музыкальный пейзаж сегодняшней Западной Европы - но чисто человечески напряженность, мучительная трудность пути, трагическая безнадежность, содержащиеся в долгих восхождениях и спадах, не могут не захватить. Тем более, что сочинение стало поводом для совершенного во всех своих компонентах спектакля. И дирижер Ульф Седерблум, и режиссер Калле Хольмберг, и художники Монс Хедстрем (сценография), Пекка Оямаа (костюмы), Клод Нэвилл (свет; класс XXI века!) воплотили образы Саллинена в сгусток художественной энергии редкого накала.

Выдающийся актер-певец Йорма Хюнинен оказался способен вместить в центральный образ оперы все конфликты, разворачивающиеся во времени и пространстве этого сочинения. Герой Хюнинена, чьи глубинные тайны и внешние аффекты ясно прослежены в тончайшем нюансированном пении, скупых жестах, мимике, странно отчетливой с любого расстояния, словно хотел быть светлым и добрым - но оказывался неизбежно темным и подлым. Жизненные повороты превращали его с упрямой неизбежностью в злодея, изверга, душегуба. И только двойник Куллерво, мягкий и тихий Киммо в исполнении подающего большие надежды тенора Йормы Сильвасти (моцартовские партии на сцене Венской Штаатсопер, запись "Дон Карлоса" с Джеймсом Ливайном) вносил в этот мрак лучи чего-то смутно-положительного, пробивающегося, как северное зимнее солн-

це, с огромным трудом через плотные тучи...

Образ, созданный Хюниненом, вставал в один ряд с такими оперными исполинами, как Борис Годунов и Голландец.

Другие премьеры торжественной недели были не столь хороши. В "Лебедином озере", версии Владимира Бурмейстера в парижском варианте, нервная королева лебедей больше напоминала вычурного фламинго, декорации Петрики Ионеско били в глаза варварской роскошью фотообоев, костюмы Анны Контек рябили, не соединяясь в связную сюиту... В "Кармен" дирижер Мигуэль Гомес-Мартинес не поднимался выше капельмейстерской планки, режиссер из Бонна Ги Монтавон пугался в трех соснах и двух веревках, а героине аргентинки Алисии Нафе, великолепной моцартовской певицы, не хватало воли, чтобы стать единственной и неповторимой... В гала-концерте, конечно, блеснули вечно органичный Матти Салминен и всегда шикарная Карита Маттила, но и здесь Гомес-Мартинес сумел многое превратить в банальность...

Но не будем портить праздничное настроение нашим финским коллегам, у них есть здание Финской Национальной оперы, есть спектакль "Куллерво" - а остальное, дай Бог, приложится!

Алексей ПАРИН

На снимках:
здание Национальной оперы.
Внизу Й. Хюнинен (Куллерво).

Пусть заголовок звучит слишком патетично - но так оно и есть. В Финляндии с ее оперным бумом, где публика валом валила на постановки классики и новых сочинений, где композиторы с невероятной энергией превращали в звуковые образы многие сокровенные тайны финской души, хранимые в фольклоре или авторской литературе, существовали лишь две площадки для оперных игр. Тесный гарнизонный театр, хельсинкский Александринский (несколько, впрочем, не походящий на своего петербургского "тезку"), оставшийся от русских, где в яме было не продохнуть при мало-мальски полноценном оркестре для "большой оперы", где на сцене любая масштабность превращалась в свою противоположность, - вот какой была "первая сцена страны". Летом, конечно, Савонлинна могла утолить голод по оперному размаху, но то - фестиваль, праздник, короткий миг в долгом северном году...

И вот самые безудержные оперные мечты стали явью. Здание, спланированное в 70-х годах, выросло на берегу залива Тэлэн-Лахти - и заблестало своей неподдельной современностью. Сияющая белизна, строгая простота, свет, исходящий изнутри, делают эти линии и объемы символом надежды, ликования, даже счастья. Удивителен запас прочности в архитектурном мышлении финнов - двадцать лет проект шел от чертежей к реальности, но возведенное здание ни снаружи, ни особенно внутри не имеет ни малейшего привкуса запоздалости, моральной устарелости. Интерьер зрительного зала получил свою тайну, без которой Опера просто не может существовать: рыжеватый немецкий бук, став облицовкой для стен и дверей ярусов, при соответствующей подсветке лучится особым,